

A close-up photograph of the front of a silver car. The hood is scratched and shows signs of wear. A chrome hood ornament of a deer is mounted on the front edge. Below it is a chrome grille with vertical slats. A round headlight is visible on the left. The background is dark and out of focus.

Равиль ВАЛИЕВ

Уверенность
в безнаказанности
стала его
почерком

Черный ПОЛКОВНИК

Равиль Рашидович Валиев
Черный полковник
Серия «Зубры отечественного сыска.
Детектив по реальным событиям»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74138591
ISBN 978-5-04-250541-6

Аннотация

Пронзительные, как крик жертвы в темной подворотне, романы о войне между преступным злом и преданными своему делу сотрудниками уголовного розыска.

1978 год. Майор милиции Александр Меркульев приезжает в отпуск к своему другу в Севастополь. Но вместо отдыха город встречает майора серией жестоких убийств. На берегу моря находят изуродованный труп девушки со следами изнасилования. И это уже не первый случай. В городе растет тревога, слухи приписывают преступления некоему «Черному полковнику». Меркульев подключается к расследованию. Сыщики выходят на капитан-лейтенанта Звягинцева. Именно с ним видели последний раз убитую девушку. Но вскоре выясняется, что Звягинцев – обычный бабник и к преступлению отношения не имеет. Тем временем к черед злодеяний «Черного полковника» неожиданно добавилось новое кровавое происшествие...

Их было немало – людей, решительно вступивших в бой, исход которого, кроме закона, решает еще и личное мужество.

Содержание

Пролог	6
Часть первая	13
Глава 1	13
Глава 2	20
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Равиль Валиев

Черный полковник

© Валиев Р., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*** * ***

Пролог

Кто из вас будет спорить, что молодость и лето – чудо, не имеющее себе равных на этой земле?

Господь в своей безграничной благости соединил эти явления в южном городе для того, чтобы двое влюбленных нашли свое счастье...

Но только Он и знает, что может из этого выйти.

Теплый ночной ветер ароматами цветов и солоноватым привкусом моря обволакивал густым муаром спящий город. Рождал в молодых телах томление и подспудное желание поделиться своей радостью бытия со всем миром... А две ладони парня с жадностью блуждали по девичьему телу.

– Оля, Олюшка. – Горячие мужские губы, касаясь мочки ушей, рожают электрический разряд. – Девочка моя... Как ты хороша...

И кажется, что этот страстный шепот раскалывает хрупкую тишину темных подворотен, раскрывая всему миру их маленькую тайну. Вот от этого ощущения сердце и стучит через раз – становится и страшно, что оно остановится, и так мучительно приятно.

Ольга резко отстранилась, едва не угодив коленом в колючий веник юкки, охраняющий вход в чей-то палисадник.

– Андрюшка, я не могу так. – Губы едва слушались, вторя дрожи разгоряченного сердца.

Она оправила подол короткого платьица и с тревогой огляделась.

Редкие уличные фонари едва разгоняли вокруг себя густой мрак южной ночи. Неистово стрекотали цикады, рождая в голове легкий звон. Спящий парк бликовал молодыми листочками, скрывая в своем уютном полумраке тайну многих и многих пар.

Андрей отшатнулся, густые брови сошлись у переносицы.

– Ты чего? – обиженно пробурчал, пытаясь поправить сбившуюся фуражку.

Темная густая челка непослушной волной рассыпалась по высокому лбу парня. Сердце Ольги снова застучало с удвоенной скоростью. Боже, какой он красивый...

– Андрюшка, – пропела, промурлыкала она, сделав еще один шагочек от его ищущих рук, – я не могу... пойми. Вот так, на улице...

Андрей равнодушно огляделся и пожал плечами. Ярко-желтые звездочки на погонах колко отразили свет фонаря.

– Что не так, Оля? Идти все равно некуда... Может, к тебе в общагу или ко мне в казарму?

– Да, – тоскливо согласилась девушка, прошептала: – Но на улице я не могу, пойми...

– Да блин! – Андрей хлопнул кулаком по ладошке. – Сколько можно таскаться по улице, Оля?! Ресторан закрыли, куда нам идти? Что ты ломаешься?

Что-то странное и грубо-резкое промелькнуло во вроде бы знакомом лице... Неожиданный озноб заставил обнять себя за обнаженные плечи.

– Проводи меня домой, а? – Ей стало неприятно от его прямоты.

– Ну пошли, – заглянув в глаза девушки, пробурчал Андрей, – только пойдем по Большой Морской...

Он развернулся и, не оглядываясь, зашагал по брусчатке. Ольга догнала его уже на площади Революции. Темные дома, с редкими светящимися окнами, сурово вглядывались в пустое пространство с молоденьким деревом посередине, а редко расставленные фонари освещали пустую Большую Морскую улицу, просматриваемую почти до кинотеатра «Победа».

Высокие арочные окна магазина Черноморторгтранса, в народе именуемого «Черноморочка», таили за своими стеклами богатства всего мира, недоступные большинству обывателей. Импортные ткани, игрушки, посуда... но все только за боны и чеки, увы. Рубль здесь не котировался, наследник старорежимных купеческих нравов, а именно здесь когда-то располагался известнейший дом купца Хлудова, снесенный крутыми революционными и военными временами, – умел набить себе цену.

Томный ветерок зашелестел уже почти засохшими листочками платана, первыми вестниками грядущей жары.

– Андрюша, подожди, а? – Ольга попыталась поймать ру-

кав его кителя, но Андрей молча повел плечами и прибавил шаг. Девушка вздохнула, но решила придержать возникшую обиду в себе.

Неожиданно в многоголосицу шумной природной тишины вплелся тихий звук мотора.

Через несколько секунд желтоватый свет родил густую тень у их ног. Андрей остановился, прикрывая ладонью глаза, вглядываясь в подъезжающий автомобиль.

Серый, растворяющийся в полумраке легковой автомобиль со слабым скрипом остановился напротив них.

Ольга прижалась к Андрею и боязливо выглянула из-за его спины. Тот покосился на нее, но ничего не сказал.

– Что же вы, молодые люди, так поздно гуляете? – Густой баритон, мягко, но с едва заметными властными нотками прервал наконец возникшую паузу.

– А вам какое дело? – процедил Андрей сквозь зубы, непроизвольно расправив плечи и выставив ногу.

– Вы бы не грубили, товарищ старший лейтенант, старшему по званию. – Голос из темного салона тихо урчащего автомобиля окончательно загрубел.

– Так вы покажитесь, – немного сбавил свой гонор Андрей, – я же не вижу погоны в темноте...

– И не увидите. – Рессоры скрипнули, и крупное тело в белой гражданской рубашке показалось в полумраке. – Полковник милиции Петров...

– Виноват, товарищ полковник, – пробурчал вконец обес-

кураженный Андрей, проводив взглядом красное удостоверение, на секунду возникшее в руках мужчины и исчезнувшее в кармане брюк. – Гуляем... просто.

Полковник заглянул за его спину. Ольга расслабилась – милиция есть милиция. Она даже попыталась улыбнуться мужчине, но получилось не очень... Сердце почему-то затрепетало в дурном предчувствии – не понравился ей ни сам мужчина, ни его скользнувший по ее телу масляный взгляд.

– Так, так... – перевел на Андрея взгляд милиционер.

Молодой офицер отвел глаза:

– Есть у меня разрешение...

Полковник помолчал и чуть мягче проговорил:

– Верю... не в моей юрисдикции проверять у вас документы, но вот девушка...

Ольга наконец очнулась от неожиданно нагрянувшей оторопи и вышла из-за спины Андрея.

– А в чем причина, товарищ милиционер? Мы просто гуляем... имеем право!

– Имеете, – быстро отреагировал полковник, – конечно, имеете, но смею напомнить: в городе паспортный режим, и люди, празднично шатающиеся ночью, естественно вызывают интерес у органов правопорядка...

Он с удовольствием втянул мясистым носом аромат цветущей софоры, чей сладковатый запах принес порыв ветерка.

– Особенно в такую ночь, – совсем уже томно закончил

он свою речь.

Андрей и Ольга незаметно переглянулись, едва удержавшись от того, чтобы пожать плечами.

– Я домой иду, – неохотно пояснила девушка, – а Андрей меня провожает...

– Далеко? – опять не дождавшись окончания фразы, проговорил милиционер.

– На гору Матюшенко...

– Ого! – восхитился полковник. – Темное место!

– Нормальное! – обиделась Ольга. – Я там давно живу...

– В общежитии?

– А откуда вы...

– Догадался...

– Ну да, – нехотя согласилась Ольга.

Андрей переступил с ноги на ногу и шумно выдохнул. Полковник посмотрел на него долгим взглядом, более долгим, чем требовали приличия.

Парень не выдержал прямого взгляда и чуть нервно проворчал:

– Вы так хорошо болтаете, может, я тут и не нужен?

– Хм, – усмехнулся мужчина, – ну если у тебя пропало желание провожать девушку в такой опасный район... я могу ее подвезти...

Он вперил немигающий взгляд в переносицу Ольги.

Девушка запаниковала:

– Андрей!

– А что, – жестко улыбнулся тот, – поезжай... товарищ полковник подвезет. А я пойду в часть...

– Давай, старлей, – с легкой улыбкой проворковал мужчина и покачал головой, – поздно уже. А то, глядишь, и патруль нагрянет...

Андрей вздрогнул и огляделся. Поймал насмешливый взгляд полковника и сник. Ольга во все глаза смотрела на него, удивляясь столь разительной перемене, – бравый офицер, гроза морей выглядел сейчас весьма жалко. Видимо, не так уж и радужно было с его показной уверенностью в себе.

Он мазнул по ее лицу злобным взглядом, безошибочно определив, что девушка заметила его слабинку. Открыл рот, собираясь что-то сказать, но просто махнул рукой, неожиданно резко развернулся и решительно зашагал прочь.

– Вот так, – проговорил мужчина и повернулся к Ольге, – ушел твой ухажер... поехали!

Часть первая

Глава 1

– Барабульку ни в коем случае чистить не нужно! Жабры – да, вырезать к чертям! Иначе горечь появится... А так, взять рыбку целиком, посолить, в муку – и на сковородочку! Но сверху обязательно тимьянчик и лимон положить!

Конацкий, едва не засовывая свой длинный нос в вожденный продукт, колдовал над закопченной сковородкой. Путаясь в клубах сизого дыма и помаргивая слезящимися глазами, он непрерывно говорил и говорил:

– Ее подавали в свое время царям и императорам, представляешь? Но такую, как у нас здесь, нигде не найдешь! Только в Крыму, и только черноморская!

Он причмокнул губами и сладострастно прикрыл глаза.

Меркульев немедленно воспользовался представившейся возможностью вставить слово:

– Слышь, Ростик! Как вы тут живете?

Конацкий непонимающе скосил на него свои семитские глаза:

– В смысле?

– Жарко, Ростик! – простонал Меркульев. – Это же сколько сегодня? Все сорок? А вчера, а позавчера?

– Хэх! Сан Саныч, – Ростислав мазнул по лицу грязной ладонью, – привычка! Да и нормально сегодня! Ветерок вон с моря, дует хорошо...

Спущенный парус лениво полоскался на слабом ветерке. Ничуть не охлаждая, ветерок раскаленным веником проходил по измученному телу, рождая томление и желание погрузиться в мучительный сон.

Терпкий, пахнувший йодом и гниющими водорослями воздух щекотал легкие, сушил капли пота, не успевающие скатиться с тела.

Выпитая рюмка «Коктебеля» не опьянила, мгновенно испарившись сквозь поры кожи.

Ростислав, на секунду отвлекшись от своего важного дела, присмотрелся к Меркульеву:

– Ты это, старина... как чувствуешь себя?

Меркульев, распластавшись на развернутой циновке, тщетно пытался спрятать голову в тени паруса.

– Плохо, Ростик... – Он тяжело вздохнул. – Ты, наверное, меня просто хочешь убить, да? Медленно и жестоко?

Конацкий выпрямился и громко захохотал, породив разноголосое эхо среди красно-желтых скал.

Весь он, взлохмаченный, закопченный, чернобровый и сероглазый, в растянутой тельняшке на плотном теле, стоящий на фоне бесконечно синего раскаленного неба, вызывал ассоциации с лихим пиратским сообществом. Ему не хватало только сабли на поясе и повязки на глаз.

Никто бы сейчас не признал в этом шальном образе инспектора уголовного розыска УВД Севастопольского горисполкома, капитана Конацкого Ростислава, давнего друга Меркульева.

Редкий отпуск майора случайно совпал с настойчивым приглашением молодого коллеги погостить пару недель в закрытом городе.

Почему бы и нет?

Надежный ПМ – в оружейку, дверь – на ключ, короткий визит в отдел кадров за справкой, и вези, фирменный поезд дальнего следования «Нева», в жаркое приключение майора внутренней службы РОВД ГУВД исполкома Московского областного Совета Меркульева Александра Александровича. Старшего инспектора уголовного розыска, между прочим...

Рябой лейтенант-пограничник в комендатуре только хмыкнул, ставя печать на разрешении.

– Ищете кого, товарищ майор?

– Нет, лейтенант, – широко осклабился Меркульев, – отпуск!

– Эх, хорошо-то как... – тоскливо пробормотал лейтенант и отдал бумажку. – Правила внутри, внимательно прочитайте. И... просто следуйте им.

– Есть! – отчеканил майор и шагнул в жаркие объятия Конацкого, мгновенно утонув в потоке раскаленных солнечных лучей июльского Севастополя.

Немногочисленные пассажиры старенького троллейбуса «Татра» расселись по теневой стороне салона и лениво следили за метанием приезжего москвича, утопающего в собственном поту.

Ростислав успокаивающе похлопал Меркульева по плечу.

– Потерпи, Саныч! Две остановки всего...

Троллейбус довез их наконец до Корабельной стороны, устало фыркнул и оставил друзей у подножия заросшего ивами Малахова кургана.

Меркульев поморщился, расстегнул еще одну пуговицу на рубаше, перехватил дурацкий московский плащ и поплелся за энергичным Конацким, ловко выбирающим маршрут в тени от невысоких домов и пожухлых деревьев в садах за заборами.

– Апполоновка! – радостно проревел он и опустил меркульевский чемодан на землю. – Пришли, Саныч!

Он отворил калитку и шагнул в полутемный рай.

Широкие листья винограда, закрывающего почти весь двор, плотным потолком отсекали струящийся с неба раскаленный поток, рождая на земле причудливые узоры. Громко жужжали пчелы, и тихо шелестели бамбуковые стебли у забора, и это так разительно отличалось от ада, творившегося снаружи, что Меркульев обессилено откинулся на скамейке, стоящей у стены дома, и блаженно прикрыл глаза.

Потом была суета, знакомство с многочисленным семейством Конацкого и выход в море.

Старенький швертбот¹, скрипя снастями, перенес их по оживленной Севастопольской бухте, а затем уже открытое море встретило крепким бризом, унесшим утлое суденышко до Херсонесского маяка.

Здесь они и остановились в небольшой бухте, ввиду огромных конструкций радара дальнего обнаружения, предварительно познакомившись с проверяющим патрулем.

Особых нарушений милиционеры не совершили, поэтому были отпущены восвояси с пожеланиями легкого отдыха.

Так, купаясь и ловя барабульку, болтая ни о чем и попивая благословенный «Коктебель», офицеры и прожили все два неожиданных отпускных дня капитана Конацкого.

– Пора закругляться, Сан Саныч, – грустно проговорил Ростислав, – отдыхать хорошо, но меня дела ждут, мать их...

– Ростя, – лениво приоткрыв глаз, сказал Меркульев, – какие в вашем раю дела?! Город закрытый, все под присмотром, въехать-выехать – проблема... Да и сколько тут жителей? Тысяч триста?

– Хм, триста... с чем-то, – капитан искоса взглянул на друга, – не сомневайся, дел много... Не все так уж радужно в нашей епархии. Не Москва, конечно, но есть свои заморочки...

Он наконец распутал леску и начал аккуратно сматывать ее на деревянную рогатину.

¹ Швертбот – парусное одномачтовое спортивное и прогулочное судно облегченной конструкции с выдвижным килем.

– Есть сложности, Сан Саньч... Народу, конечно, мало, вроде все свои... Но иногда такое выплывает – только держись... Прямо перед твоим приездом тело обнаружили. Неподалеку отсюда, «Голубая бухта», – он махнул рукой куда-то в сторону, – женское тело. Со следами насилия и изуродованным лицом... Так-то...

– Ого, – заинтересовался Меркульев, – круто... Следы есть?

– От ментяра, – захохотал Конацкий, – ты же в отпуске?

– Ну да, – несколько смущенно пробормотал майор, – ну так и дело серьезное. Даже у нас мокруха под особым режимом, а тут я понимаю – вообще?

– Вообще... Управление на ушах стоит. – Ростислав резко погрузтел. – Дело сразу прокуратура подхватила, шутка ли – женщина, изнасилование, да еще и труп...

– А ты? – Меркульев пристально взглянул в глаза капитана.

– А что я? – Тот пожал плечами. – Меня мое не минует... Скорее всего, завтра на работе приказ будет ждать... Но ты, Саньч, не волнуйся, отдыхай! Тебе тут столько мест посетить нужно! Мои к теще на Остряки перебрались на эти две недели, я с ними, так что флигель в твоём распоряжении!

– Ага, – проворчал Меркульев, – отдохну... Давай собираться?

– Давай, – легко согласился Конацкий, – к вечеру дома будем... Собирай пока вещи, а я посудину приготовлю. Ветра

нет, на моторе пойдём...

– Ростя, – остановил деятельного капитана Меркульев, – ты на всякий случай пропуск в Управление мне сделай, а?

Ростислав посмотрел в глаза майора и широко осклабился:

– Эх, Сан Саныч! Опер и в отпуске опер?

Глава 2

«Центральный колхозный рынок. Добро пожаловать!» Ворота под ослепляющей надписью на четырех белоснежных колоннах впустили Меркульева вместе с потоком людей в закрытое со всех сторон пространство.

Накрытые общей высокой крышей торговые ряды развеселым буйством красок поразили майора в самое сердце. Гулкий гомон торговцев и покупателей прерывался оглушающим чириканьем воробьев и воркованием голубей, по-хозяйски расхаживающих по пыльному асфальту. Изредка откуда-то с высоты прорывался странный лай бакланов и чаек, не смеющих приземлиться в этом продуктовом раю.

Меркульев, прислонившись к стволу деревца, жидкая листва которого давала хоть какую-то защиту от палящих лучей сева­сто­польского солнца, мельком глянул на наручные часы.

Четверть двенадцатого пополудни... а рынок был уже полон. Разномастно одетые горожане и немногочисленные гости курсировали вдоль заваленных различными яствами прилавков, над которыми царствовал терпкий запах специй.

– Дарагой! Нэ проходи мимо! Сматри, какой пэрсик! Сам в рот просится! – Густой бас вырвал майора из полудремы.

Черноусое и рябое лицо широко улыбалось желтыми зубами, а черно-угольные глазки маслено поблескивали из-под

густых бровей.

– Сколько? – лениво выдавил из себя Меркульев, не имея никакого намерения заниматься сейчас покупками.

– Ай! – оживился и всплеснул руками в белых нарукавниках продавец. – Тебе за шестдэсят копэек отдам! Как брату!

Майор взгляделся в истово честные глаза и тихо проговорил:

– Салам! Неджасан, орматли?²

Глаза сына гор вылезли из орбит. Он громко выдохнул, опасливо огляделся и пробормотал, враз растеряв свою напускную игривость:

– Яхшыям. Чох саголун... Дилимизи несе билирсэн?³

– Сэни зьярэт этди⁴, – неопределенно пожал плечами Меркульев и продолжил, – давно, правда уже... Мен азербайджанджа даныша билмирем⁵... Давай по-русски.

– Хм, – пробормотал вконец сбитый с толку азербайджанец, – давай...

– Что говорят на рынке?

Продавец стрельнул в него глазами, но встретив прямой взгляд, чуть сник.

– Всякое, – после паузы выдавил он, – что интересует? И пачему?

² Здравствуй! Как дела, уважаемый? (азерб.)

³ Спасибо, хорошо... Откуда ты знаешь наш язык?

⁴ Бывал у вас.

⁵ Я плохо говорю по-азербайджански.

Меркульев молча достал из кармана удостоверение и открыл книжку.

Азербайджанец тревожно оглянулся и почти без акцента попросил:

– Убери, да? Зачем внимание привлекать... товарищ майор...

Меркульев усмехнулся

В каждом большом и маленьком городе необъятной страны, от Владивостока до Калининграда, в каждом уважающем себя селении и деревеньке с наступлением тепла появлялся этот трудолюбивый и предприимчивый народ горной страны.

Яблоки, груши, персики, айва и, конечно, мандарины в ящиках и мешках формировали нелегкую прибыль усатых предпринимателей. А чуткое внимание к окружающей обстановке и тонко отточенное чувство самосохранения позволяли делать этот небольшой гешефт относительно безопасно. Ибо советская власть крайне неохотно делилась своей прибылью.

Майор прекрасно знал и использовал в своих целях основные качества этих людей, снисходительно прощая и их природную хитрость, и их простодушный оптимизм, ведь азербайджанцы в корне отличались от своих прижимистых соседей по горам.

Армяне также разлетались по стране в погоне за длинным рублем, но промышляли больше по строительному делу.

А вот рынок, базар – сакральное место для каждого горожанина, место, где существовал такой яркий и притягательный мир вкусной еды, – был почти полностью занят горячими сынами жарких берегов Каспийского моря. Знающими толк и в торговле, и во вкусовых пристрастиях тех мест, где существовали. Живущими своими закрытыми от посторонних глаз мирками, но прекрасно знающими и чувствующими всю окружающую обстановку.

Даже здесь, в закрытом для всех остальных граждан страны городе Севастополе, они умудрялись вести свои дела.

– Что про убийство говорят? – не стал тянуть кота за хвост Меркульев и откусил кусочек от персика, поданного ему торговцем.

– Ай, всякое рассказывают, – тот тоже не стал ломаться, наклонился к самому лицу майора и громко зашептал, опираясь грудью на кучку ярко-оранжевых плодов, – говорят, по городу черная машина ездит, за рулем черный офицер... ловит девушек и к морю возит... ц-ц-ц, шайтан! Делает свое дело и в море топит...

Он выпрямился и покачал головой.

– Машина какая? – быстро спросил майор, проглотив сладкий сок персика.

– Волга... старая, двадцать первая...

– Где в основном ездит?

– В Центре, по кольцу в основном... вокруг городского холма, – видя непонимание майора пояснил азербайджанец

и махнул рукой в сторону Приморского бульвара.

– Ваши пострадали? – спросил майор, пристально глядя в черные глаза мужчины.

– Наши ночью не ходят, товарищ майор! – взъерошив усы, презрительно сказал торговец. – Приличный дэвушка ночью дома сидит, в семье. С мамам и папам, иншалла...

– Яхшы, – пробормотал майор, – тешеккур эдирем! Сенин адын недир?⁶

– Ильхам... буюрун⁷... – немного озадаченно протянул торговец и пожал плечами. – Ты пэрсик брать будишь?

...Тяжелая авоська с фруктами ощутимо оттягивала руку, пока майор продирался сквозь липкое марево по слегка обсыпающимся бетонным ступеням.

Лестница уходила вверх, гостеприимно обещая отдых и прохладу наверху, там, где крутой склон холма, плотно застроенный разномастными домиками, тонул в пышной зелени деревьев.

– Поднимешься по лестнице, идешь чуть прямо, а потом сразу влево уходи, по улице Щербака, – напутствовал Коначкий майора, – как дойдешь до стадиона «Чайка», справа спортзал будет, большой такой... Там Вовка и занимается... в секции дзюдо. Тренеру скажешь: от меня – и поезжайте домой. Вовка покажет все, что надо...

Вовка покажет... ага. Шустрый десятилетний мальчуган,

⁶ Спасибо! Как тебя зовут? (азерб.)

⁷ Пожалуйста...

весь покрытый веселыми веснушками, сразу же окружил Меркульева своей сверхдеятельной заботой.

Словно самум⁸, он подхватил майора и понес по своим мальчишечьим заботам и делам, пользуясь полной отпускной расслабленностью мужчины и потаканием отца.

Спуск к Апполоновке превращался в увлекательное приключение – к ним присоединялись все Вовкины приятели, и Меркульев, чувствуя себя великаном среди лилипутов, вел всю эту шумную и вертлявую банду к прохладным волнам Севастопольской бухты.

Первый страх за мальцов быстро прошел. Выросшие в соленых водах, загорелые до черноты, они давали приличную фору майору. Имеющему, между прочим, разряд по плаванию...

Куда там – словно стая юрких мальков, в пене и солнечных бликах, они обгоняли его в соревнованиях «до лодок и обратно».

Тяжело пыхтящий Меркульев невероятно смешил эту гоп-компанию. Чуть позже он узнал, что пацаны между собой прозвали его Буксир «Шахтер». Долго не понимал, при чем здесь шахтер?

Ростислав в итоге рассказал историю про это героическое судно, которое защитило в сорок первом отступление советских войск из Евпатории:

– Он прикрывал дымовой завесой отход транспортных су-

⁸ Сухой горячий шквальный ветер.

дов и военных кораблей. В это время восемь «Юнкерсов» налетели на Евпаторийскую бухту – атаковали нашу базу. «Шахтер» обеспечил выход судов из Евпатории, даже сбил один самолет. Но шесть человек экипажа погибли вместе с командиром. Судно получило пятьсот с лишним аварийных повреждений, но самостоятельно дошло до Балаклавы. Там и похоронили экипаж...

Н-да... Героическая история, нечего сказать. И ведь не обидишься же – дети все-таки.

...Меркульев вздохнул и поудобнее перехватил сетку, осталось чуть-чуть – успокоил он себя.

Пчелы как сумасшедшие жужжали в зарослях неизвестных ему кустов, аромат которых кружил голову, погружая разум в легкое медитативное состояние.

По своей старой привычке майор разделил мыслительный процесс – часть сознания лениво отмечала изменения в пространстве, а вторая часть лихорадочно прорабатывала разные варианты. Прав был Ростик: милиционер – он и в Африке милиционер...

Вот ведь странный город Севастополь. Казалось бы, тишина и благодать, прямо-таки рай среди суматошных советских городов. Работают заводы, народ трудится, флот выполняет положенные ему функции, а вот не отпускает майора какое-то подспудное недоверие к городу. Словно находишься в районном Доме культуры – красивый фасад, шторы новые, а вокруг разруха и сельский пейзаж. И вот стоит этот

храм культуры, открывается по красным дням, туда приходят робкие жители и опасно жмутся по пыльным углам – а ну что-то расколотишь своим неуклюжим телом... Но снаружи все чин чинарем, не подкопаешься.

Меркульев опять вдохнул раскаленный воздух, но не сдался. Нахмурился, продолжил восхождение. Мысль тем временем продолжала свой витиеватый путь.

Полностью советский город. Трудовой и боевой. И народ здесь, как он уже убедился, честный и прямой... Но ведь не лодырничают же его коллеги?

Ростика за прошедшие с приезда четыре дня он видел только дважды. Тот носился как сайгак, измученный и ошалелый. На попытки Меркульева расспросить о делах только с сердитым видом махал рукой.

Старый оперативник понимал своего молодого друга – в милиции всегда дел по горло, тем более в уголовном розыске. Севастополь по количеству населения едва дотягивал даже до небольшого, по московским меркам, Ленинского района. Но дела, видать, творились здесь не менее сердитые. Значит, была преступная подноготная у славного города...

Вот это-то как раз и был рабочий мир Меркульева.

Усталые ноги наконец привели его к высокому зданию с широкими окнами. Знакомый запах спортивного зала мазнул по ноздрям.

В фойе, заставленном многочисленными шкафами со спортивными трофеями, уже крутился водоворот возбуж-

денной и вспотевшей мелюзги.

– Дядя Саша! – звонкий голос Вовки вырвал его из потока мрачных мыслей.

Размахивая холщовой сумкой, мальчишка продрался сквозь поток таких же, как у него, загорелых и крепких тел, обхватил Меркульева за поясницу и, оглянувшись, закричал:

– Дмитриваныч! Это за мной!

Под прямым взглядом крепкого молодого человека в модной олимпийке майор махнул рукой и громко проговорил, стараясь перекричать ор:

– Я за Володей! От Ростислава Ивановича! – Увидел, что тренер в знак одобрения кивнул, и повел Вовку наружу.

– Купаться? – с надеждой снизу вверх посмотрел на него мальчишка отцовскими глазами.

– Нет, Вовка, – Меркульев взгляделся в новенькое здание гостиницы «Крым» напротив, – отведи меня к отцу, хорошо?

– На работу?! – изумился малец.

– Так точно! Туда...

Глава 3

Боже, как он ее ненавидел... Ненавидел ее застиранный халат, вечные ее бигуди на нечесаных волосах, ненавидел тупой взгляд карих коровьих глаз... Ее сипловатый голос задевал какие-то чувствительные струнки в его душе, рождая неприятные и тянущие вибрации, которые хотелось отбросить немедленно.

Увы... Он вздохнул и прикрыл глаза. Серая безысходность их общего бытия провалилась в бездонную темноту, даря покой глазам, но не оставляя места для отдыха настрадавшемуся слуху.

– ...Костик Коростылев все не угомонится – сыну комнату выбил, молодец какой! До командующего дошел, но настоял на своем! Вот как нужно! А то ютились в однушке, бедные...

Он встал, не в силах терпеть ноющую боль в затылке. Окинул взглядом их скромные общежитские квадратные метры и витиевато выругался про себя...

Ведь нужно же было так вляпаться! А вот такая она жизнь – в молодости, кажется, все идет по плану, по наезженной дорожке. Все события встают на положенное им место. Школа, техникум, армия, работа... Но где-то маленький такой шажочек в сторону, легкое сомнение, и все – отрицательный результат не заставляет себя ждать.

Цепочка случайностей приводит человека в место, дале-

кое от его мечтаний.

Ну вот зачем, спрашивается, нужна была ему тогда эта Танька? Несимпатичная, не очень умная... Поспори́л с дру́жбанами: завалю в постель телку – и вот он, результат... Завалил на свою голову.

– Я в гараж, – буркнул он, не глядя на жену, и подхватил старенький пиджак, – вечером буду...

Не дожидаясь ответного рыка, снял с гвоздя ключ от гаража и распахнул дверь. Вывалился в полумрак коммунального коридора.

– За хлебом не забудь зайти, алкаш! – Доброе слово, словно кирпич в спину, все-таки достало его на излете.

Знает же, стерва, что он не пьет в гараже, но нет, нужно выплеснуть свою злобу, оповестить соседей о его мнимой слабине.

Он прошагал темным коридором, рысью проскочил общую кухню, обдавшую его смесью запахов и наконец вышел во двор, окунувшись в веселый птичий гам.

Вдохнул набиравший свою силу знойный воздух, выдохнул и на секунду прикрыл глаза. Выходной... какое же это счастье! Не видеть этих рыл на работе, смыться из дома на добрые – он мельком глянул на наручные часы – полдня!

Торопливо закурил любимые «Родопи» и зашагал быстрым шагом вдоль дома.

Гараж встретил его родным до боли запахом машинного масла, бензина и металла. Дневная жара еще не вступила в

свои права, поэтому ночная прохлада оставила свое присутствие за его кирпичными стенами.

Привычным движением щелкнул выключателем, не глядя повесил пиджак на аккуратную вешалку на стене и счастливо засмеялся. Это и был его дом... Только тут он чувствовал себя уютно и защищенно.

Лоснящийся бок «Волги» бликовал от света стоваттной лампочки под потолком. Кожи коснулся прохладный металл, доверчиво и приятно прижимаясь к его ладони. Он невольно залюбовался круглыми изгибами автомобильного корпуса – пусть модель и не самая новая, но это была его машина. Единственное, что осталось от отца.

Любовь, разделенная на двоих.

Он почти не общался с соседями по гаражному блоку – скучны они были для него. Вечные жалобы на жизнь, жен и судьбу, заканчивающиеся неизбежной попойкой. Он их понимал, но участвовать во всем этом душа не лежала. Да и не любил он употреблять алкоголь, нужно было сознаться.

Конечно, с упорством, достойным лучшего применения, соседи по гаражу долго лезли к нему со своей пустой дружбой, но, упершись в прочную стену неприятия, отстали. Не сразу, но отстали... Хотя тут, скорее всего, больше всего помогла его профессия.

Вот и наслаждался он так любимым с детства одиночеством. И лелеемой с этого же времени страстью... Страстью, от которой и сейчас у него начало быстро биться сердце в

груди.

Он протиснулся между дверцами машины и стеной в закуток в дальней части гаража. Здесь был оборудован его личный уголок отдыха – в пространстве три на два метра он умудрился расположить все нужные ему вещи, способные создать уют в столь тесном месте.

Диван, журнальный столик, репродукции на оклеенных обоями стенах. Небольшая тумба с чайником и электрической плиткой. Бочка с водой...

Вниз, под автомобиль, уходили деревянные ступени – там, в погребе, хранились соленья-варенья и стоял небольшой верстак для мелкого ремонта. Но туда он заглядывал редко. Кто мало ездит – у того и машина реже ломается...

Он с шумом сел на крякнувший под его немалыми ста килограммами диван и с наслаждением вытянул ноги.

Тишина, прерываемая тихим поскрипыванием металла ворот, разогреваемых солнечными лучами, убаюкивала, погружая в дрему. На черном экране закрытых век начали проявляться знакомые и волнующие картинки. Низ живота стал наливаться томительной тяжестью.

Он наслаждался этим моментом. Моментом, когда расслабленное тело отпускали тиски постоянного напряжения. Именно сейчас он становился тем, кем был на самом деле, и маски отбрасывались за ненадобностью. Здесь была его крепость, его закрытое пространство. Стараясь не растерять пойманное чувство, он медленно встал, быстрым движени-

ем сбросил брюки и, оставшись в одних трусах, наклонился над стальным армейским ящиком, стоявшим в глубине его убежища.

Несколько заветных цифр на дефицитном цифровом замке открыли вход в сокровищницу, оберегаемую им со страстью Кощея. Но только не золото хранилось в бывшей таре для снарядов стопятидесятимиллиметровой пушки. Не золото...

Дрожащими руками он убрал прикрывающую заветную шкатулку пачку газет и журналов, вытащил ее, секунду подержал на весу и бережно поставил на столик. Уж столько времени он пользовался ее содержимым, но до сих пор она вызывала в нем щекотливое и волнующее чувство.

В первый раз она попала в его руки пять лет назад. После смерти отца.

Он судорожно сглотнул, удерживая в себе ставшую уже привычной боль. За эти годы он так и не привык, что его рядом нет.

Тогда, потерянный от своего горя, он пришел в гараж и долго сидел в машине, бездумно сжимая руками руль. Так это все было неожиданно и страшно...

Мать он и не помнил, отец заменил ему всю семью. Вскармливал из бутылочки и стирал ему пеленки. Так он и вырос до двадцати лет, иногда называя отца в шутку «мапа». Н-да...

Тогда, меланхолично перебирая вещи отца в гараже, он

взглянул на этот ящик, прикрытый старым полушубком. От нечего делать решил проверить его содержимое. Старые газеты, какие-то документы, рубашки, а на самом дне – картонная коробка из-под ботинок фабрики «Скороход». Тут-то его и ждал сногсшибательный сюрприз. Две толстые пачки двадцатипятирублевых купюр и, самое удивительное, пачка долларов, которые сами по себе ввергли его в священный шок; ну а остальное содержимое шкатулки, находящейся в коробке, заставило его в изумлении сесть на промасленный пол.

Обтянутый веселенькой синей ситцевой тканью ларец хранил в себе нежданное отцовское наследство – массивный золотой перстень и шесть колод игральных карт. Да не простых карт, а особенных...

Он со времен детских поездок на поезде помнил страшных молчаливых мужчин, разносящих по забитым людьми отсекам плацкартного вагона маленькие календари, открытки с видами приморских городов и такие вот колоды. Они оставляли свой товар на столике, молча и деловито исчезали в шумном полумраке, чтобы через несколько минут появиться снова и вопросительно-требовательно заглянуть в глаза неосторожно поинтересовавшегося товаром пассажира.

«Немые», – шелестело по вагону. Это была какая-то тайная и странная секта, привлекающая к себе пугающее внимание. Откуда они брались и куда девались – была большая тайна. Весь их маленький гешефт никем не останавливался и

ником не контролировался. Они, словно невидимки, просачивались сквозь закрытые двери вагонов и так же внезапно исчезали в пространстве. Не замечаемые ни милиционерами на перроне, ни проводниками в вагоне.

Однажды, когда тетка, с которой он чаще всего ездил к родственникам в Тверь, отвлеклась на секунду, он сумел-таки вскрыть колоду карт.

Увиденное поразило его на всю жизнь – на каждой карте, в соответствии с мастью, была изображена полуобнаженная женщина. Разной степени «раздетости», но неизменно в самой раскрепощенной позе, позволяющей разглядеть все анатомические подробности женского тела.

За несколько мгновений изумленного разглядывания что-то в нем перевернулось навсегда. То, что прежде лишь смутно оформлялось в его сознании, теперь предстало перед ним – не столько в бесстыдстве, сколько в поразительной, смущающей ясности.

Именно с этого момента он начал меняться – не сразу, не резко, но навсегда. Из того самого мальчишки, что любил строить воздушные замки, постепенно вырастал юноша, начинающий понимать мир во всей его сложной и многогранной правде.

Удар тетки по рукам вернул его к реальности, но не смог стереть возникшее чувство. Оно было не о доступности, а о внезапном, глубоком понимании иного мира – мира взросления, сложного и притягательного.

Тогда, в гараже, стараясь не думать, откуда это богатство оказалось у его отца, простого пожарного инспектора, он дрожащими руками распечатал одну колоду.

Сознание чуть не оставило его в тот момент – карты оказались именно теми! Но с одним существенным отличием. Качество изображения!

Это были не расплывчатые картинки из вагонов, похожие на подкрашенные репродукции, а полноценные цветные фотографии высочайшего качества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.